

РОЗАЛИЯ

ХАНЗАРОВА

СЕМЕЙНЫЙ ГАМБИТ

16+

Розалия Ханзарова
Семейный гамбит

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ханзарова Р. А.

Семейный гамбит / Р. А. Ханзарова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5320-9856-5

Гамбит — подножка. Вот мне муж и подставил подножку. А я ему. А дочка нам обоим. Ну и кто в выигрыше? Никто! Вот теперь пытаемся разобраться в этой патовой ситуации, но выхода не видим... А выход оказался для каждого свой.

ISBN 978-5-5320-9856-5

© Ханзарова Р. А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

ГЛАВА 1

Все события, имена и фамилии вымышлены.

«... Боязнь пространства каждому знакома.

Разнится путь по числовой прямой —

Кому-то страшно выходить из дома,

Кому-то страшно заходить домой!»

(Лев Красоткин)

Мне сорок лет, из них двадцать два года я замужем. За мужем, за когда-то любимым мужчиной. Нет, я бы не сказала, что я его совсем не люблю. Что-то в душе осталось. Только вот не пойму что? То ли остатки любви, то ли жалость, а может привычка? Как знать, как знать.

Моему мужу сорок четыре года и он тоже двадцать два года заму... тьфу ты, женат на мне. На когда-то любимой женщине. Почему когда-то? Мне-то всё понятно, а вам объясню эту светлую мысль. Если у мужчины после 40 лет появляется молодая любовница, значит, его жена перешла в категорию "когда-то любимых". Но сейчас меня эта ситуация уже не напрягает.

Два года назад я совершенно случайно, да-да-да, ну совершенно случайно, с подачи нашей соседки Зинаиды Брылькиной, и оказалась в этой ситуации. Эта самая Зинаида позвонила мне чуть ли не через час, как я ушла на работу, и затараторила, чтобы я немедленно приехала домой, потому, как, видите ли, мы заливаем соседей внизу. На вопрос, а почему она не терроризирует моего благоверного, у которого сегодня выходной, Зинаида торжественным голосом сообщила, что и стучала, и звонила, а в ответ... тишина. Я спешно приехала домой, открыла дверь своими ключами, а там... картина Репина. Вот так я и узнала, что перешла в совершенно другой разряд, в разряд обманутых жен.

Любовнице моего мужа ныне 27 лет. Ну и что? А ничего. Зато моему любовнику 25 лет. Ха-ха-ха. А что, я рыжая что ли? Нет. Натуральная, неа – не блондинка, шатенка, даже без седины. Свои собственные, слегка оттенённые. И ноги у меня не сказать, что от ушей, но от зубов точно. Есть чем гордиться. И грудью своей горжусь. Третий номер и ничуть не опустились вниз, хоть их усиленно и оттягивала одна очень симпатичная малышка, наша общая дочка Юлечка. Ну, это она когда-то была малышкой. А сейчас уже учится в университете и проживает в общежитии этого же заведения. Просто сбежала от нас, из "этого дурдома", как она выразилась.

Так что я решила не отставать от своего мужа и откликнулась на заигрывания тренера по фитнесу, очень даже сексуального мальчика Андрея. А на фитнес я записалась после известных вам событий, то есть после того, как застучала своего дражайшего супруга с его... кхе-кхе... ну, и не знаю, как её назвать. Вроде любовница, но она скорее похожа на пигалицу. Маленькая, худенькая, как воробей. Это я её разглядела в зеркало, в спальне. Дверь была слегка приоткрыта. Нет-нет, я не стала их оповещать о своем присутствии. Зачем? Начнутся сопливовпли. Постой, дорогая, ты не так всё поняла. Ага-ага, не так поняла. Это она тебя соблазнила и изнасиловала, силком ворвавшись в наш, между прочим, дом. А еще, не дай бог, эта пигалица грохнется в обморок, или устроит истерику. Нееее. Я, пятясь назад, потихонечку выбралась из квартиры, аккуратно закрыла дверь ключом. И развернувшись, врезалась в Зинаиду, блин, Брылькину. Твою ж...!

– Зинаида, свет Бальтазаровна, – рыкнула я, – ты специально всё подстроила, признавайся?

Зинаида закивала головой, как болванчик:

– Ага, а чё он совсем страх потерял, думал, я всегда буду молчать?

Ну, понятно! Зинаида периодически, приняв на грудь, строила глазки, по очереди, всем мужчинам нашего дома. Видимо очередь дошла до моего мужчины. А он, паршивец, не оценил. И вот результат.

– Ну, ты сильна, Зинаида Баклажановна. – Я покачала головой и, обойдя, нашу любвеобильную соседку гренадёрских размеров, вызвала лифт.

– Ириночка, а скажи мне, почему ты меня всё время называешь всякими непотребными отчествами. Моего батьку звали Иваном. Так что я Зинаида Ивановна.

– А мне жалко твоего батьку, Зинаида Пафнутьевна.

– Вот! Ты опять непотребство говоришь. А еще инженерша. И что это ты моего батьку пожалела, он уж давно помер. –

– Все, некогда мне с тобой тут лясы точить. – Я запрыгнула в отворившиеся двери бывшего лифта, и поехала вниз.

Сейчас вспоминать весь этот конфуз если и не смешно, то хотя бы улыбку вызывает. А тогда, вернувшись на рабочее место, работать я не смогла. Когда до меня дошло, что предстало моим глазам, мне стало плохо. Очень плохо! Я заледенела. Внутри меня что-то умерло. В голове пульсирующей болью отбивал свой такт похоронный марш. Шли похороны моей любви. Я вдруг перестала что-либо воспринимать. Перед глазами все плыло, двоилось, кружилось, дразнилось, подмигивало. И только громкий голос моего начальника, который практически кричал мне в ухо, вывел меня из этого ступора. Сморгнув слёзы... слёзы? Я оказывается плачу? Я, которая в жизни никогда не плакала, особенно из-за мужиков, я плачу? Тряхнув головой, попыталась еще раз понять, о чем меня спрашивает Игорь Степанович – мой начальник отдела.

– Что с вами Ирина Сергеевна? Что-то случилось? На вас лица нет.

Что? На мне лица нет? Да во мне и души уже нет. Растоптали, раскатали на смятых простынях собственной кровати. И, видимо, не только тело заледенело, но и мозг впал в коллапс, потому что я брякнула:

– А какое у вас будет лицо, если вы придете домой и застанете свою жену в вашей спальне, в кровати с другим?

– То есть вы хотите сказать, что вы застали своего мужа...

– Да, именно это и говорю. – У меня вырвался судорожный вскрик.

– Ну, ну, успокойтесь. Попробуйте взять себя в руки, а лучше идите домой. Я вас отпускаю.

– Куда домооой-то? – не выдержав, зарыдала я.

– Ой, и правда, что это я, – огорчился Игорь Степанович, – а куда бы вы хотели?

– Сразу в тюрьму.

– А почему сразу и в тюрьму? – аж стал заикаться начальник.

– Потому что. Если я сейчас вернусь домой, я его убью. – Огрызнулась я, вытирая ладошкой слезы. Игорь Степанович машинально достал носовой платок из кармана и подал мне.

– Ну не знаю, сходите в кино или нет, сходите в кафе, скушайте мороженое, выпейте чаю с шоколадом. Может, полегчает.

– Спасибо Игорь Степанович. Пожалуйста, не говорите пока никому, а то начнут жалеть, советы давать, злорадствовать. Я лучше пойду, пройду по городу.

Я поднялась с рабочего места, повесила сумку на плечо. Игорь Степанович облегченно вздохнул и быстренько ретировался. Но не успела я выйти из кабинета, как раздался звонок рабочего телефона. Интуиция подсказывала мне не брать трубку, но когда это я прислушивалась к голосу разума.

Звонила... Зинаида Брылькина.

– Ты еще недостаточно крови моей напилась, Зинаида Бензопиловна?

– Ириночка, вот ты обзываешься, а за тебя отомстила. Сидит теперь твой благоверный.

– Где сидит? Кому отомстила?

– Где, где, в полицию забрали. Теперь, наверное, лет на пять загремит. А ты не переживай, найдешь другого, в сто раз лучше.

– Ты не ополоумела, госпожа Брылькина? За что его на пять лет посадят и почему его забрала полиция.

– Так он меня убил, ну то есть убить хотел. Ну, я дождалась, когда он с этой лахудрой выйдет из квартиры и доложила, что ты теперь все знаешь и даже видела его с этой "прости господи". Что это я тебя и вызвала. А он как с ума сошел, кинулся на меня и давай душить. Эта шалава его начала орать, как резаная, я и то орать начала, хоть и задыхаться стала. А соседка ваша Марь Иванна вызвала полицию. А я сейчас должна пойти к ним в участок и написать заявление и будет покушение на убийство. Вот.

– Зина, твою, ты что наделала, зачем ты ему сказала обо всем? Ты ненормальная, да? Что мы тебе плохого сделали, что ты начала наступление на нашу семью? – взвыла я в трубку. Похоже, что я сама придушу эту... эту... «нехорошую женщину».

– Ну вот, я позвонила, чтобы договориться по-хорошему, а ты опять обзываешься.

– Сколько? Сколько тебе надо заплатить, чтобы ты не писала заявление?

– Если ты не можешь сейчас приехать домой, то я сама могу подъехать к тебе на работу. Ты же понимаешь, по телефону такие вещи не обсуждаются?

– Нет уж, дорогая моя соседка, Зинаида свет Бармалеевна, я сейчас сама приеду. Уже выхожу.

Вот заррррраза. Все косила под дурочку, а как до денег дело дошло, так сразу умная стала.

Что там вспоминать теперь, все прошло давно. И любовь прошла, и уважение помахало ручкой, осталась одна пустота в душе.

Вот так и живем мы с мужем теперь, два совершенно чужих человека в одной квартире. На развод никто из нас так и не сподобился подать. Я предложила продать нашу квартиру и купить две, нам с Юлей и ему, то есть Кириллу.

Кирилл Андреевич Горский – ведущий хирург нашей областной больницы и по совместительству мой муж. Хотя я его считаю уже бывшим мужем.

На мое предложение Юля ответила отказом:

– Я с вами ни с кем жить не буду. Хватит, все детство и юность провела с вами. Считала, что вы самые лучшие в мире родители, я же бывала у одноклассников, видела их родителей и богатых, и бедных. Но ни у кого не было таких замечательных, любящих, веселых мамы и папы. А вы, что вы натворили? Видеть вас не могу. Пока со своей судьбой не разберетесь, в мою не пушу.

Вот такая она у нас самостоятельная. Как только научилась выговаривать слова, первое, что она сказала, было: – Я сама.

Завтра у нас праздничный семейный ужин. У нашей дочурки день рождения. Ей исполняется девятнадцать лет. Ужинать будем дома.

Мы с Кириллом пришли к Юле в общежитие, чтобы обсудить, где бы она хотела справлять свой праздник. Посмотрели, как она живет. Покачали головами, огорченно вздохнули, но... увы и ах. Условия, конечно, неплохие, это если бы она была приезжей или из многодетной семьи, проживающей на небольшой площади. Тогда эта комната на двоих, с душем и туалетом, была бы за счастье. Но ведь у нас огромная квартира. Аааа! Бесплезно, Юля с детства отличалась не только упорством, но и упрямством.

Чтобы поговорить, мы отправились в кафе, находящееся в парке, рядом с университетом. Я и забыла, какой там красивый парк. Это даже и не парк, больше похож на Ботанический сад, под открытым небом. Сейчас, в мае, все цвело и пахло. Накатила ностальгия по студенческим временам, когда мы сбегали с учебы в этот же парк и прятались в гуще деревьев или кустов. До сих пор сохранились беседки, стоящие в самых укромных, невидимых глазу, местах.

Пока ждали заказанное мороженое, я предложила Юле на выбор любой ресторан или поездку за город, в туристический кемпинг. В общем, что душа пожелает. Наша дочурка нас не разочаровала. Она сказала конкретно:

– Свой день рождения я хочу отпраздновать дома с родителями, пусть это будет иллюзия семейного ужина, но я забыла, как это семьей собраться на кухне, в столовой или гостиной, обедать и ужинать, а утром завтракать второпях, боясь опоздать на занятия, по очереди чмокая в щеку маму и папу. В ваши рестораны не пойду. Я все равно буду с друзьями отмечать этот день, и мы куда-нибудь пойдем. Может в кафе или бар, или клуб. Хочу хоть немного опять побыть маленькой девочкой, у которой нет никаких проблем с родителями. Вот только не надо мне говорить, что меня из дома никто не выгонял, что это мое решение. Помолчите хоть сегодня. – Юлька хмыкнула. – Не зря говорят, кто в мае родился, тот будет маяться всю жизнь.

– Люди говорят глупости и ты не должна верить бабкиным сказкам. – Не выдержал, до сих пор молчавший, Кирилл.

– Ой, папка, ты говорить умеешь? – восхищенно хихикнула Юля.

– Вот язва. – Добродушно усмехнулся Кирилл.

– Нееет, я Юлечка, а не язва.

– Юлечка, Юлечка, как же я по тебе соскучилась. – Я обняла, сидевшую рядом со мной дочь.

– Мам, ты что, мы же позавчера виделись?

– А мне этого мало, я хочу тебя каждый день видеть.

– Мамочка, хочешь, с деканом поговорю, чтоб тебя к нам в комнату подселили. Там еще есть место для третьей кровати. – Юлька смотрела на меня честным открытым взором. Потом не выдержала, рассмеялась. – Ну что, любимые мои, непослушные родители, или дома или никуда с вами не пойду.

Кирилл занервничал:

– Юлечка, конечно, как ты хочешь, так и будет. Значит, я завтра за тобой заеду. Во сколько тебя забрать?

Юля принялась загибать пальцы, бормотать, подняв глаза вверх. Потом тряхнула головой:

– А давай в три часа пополудни. Гулять, так гулять, весь день и весь вечер.

Я осторожно спросила:

– Может, ты ночевать останешься?

Кирилл с надеждой глянул на дочь.

– Может и останусь. – Она обвела нас взглядом и заливисто засмеялась. – Да не смотрите на меня так, останусь я, останусь. Довольны? Ну, вот мороженое съедено, кофе выпито, пора разбежаться, мне еще в библиотеку, а вы куда, домой? – и она так на нас посмотрела, что мы синхронно кивнули головами.

– Все, я побежала, не провожайте, можете еще посидеть тут, я разрешаю. – Подмигнула нам и умчалась.

Мы долго смотрели ей вслед.

– Что-то твоя пигалица не названивала каждые полчаса. Она ведь тебя все время контролирует. Беседу провел что ли? – не выдержала я, чтоб не съехидничать.

Кирилл достал телефон из кармана, демонстративно включил его.

– Понятно. – Опять я не смогла удержать свой язык. – Беседовать с ней оказалось бесполезно, и ты отключил телефон.

И тут раздался телефонный звонок, но уже у меня. Звонил Андрей. Пришлось ответить:

–Здравствуй, Андрюша. Нет, я не дома, я навещала дочку. Нет сегодня не смогу прийти ни на занятия, ни к тебе. Извини, устала. Хорошо, завтра созвонимся. – И убрала телефон в сумку.

– Здравствуй, Андрюшенька, – передразнил меня Кирилл, – а ты ему слюнявчик одеваешь, когда кормишь?

– Завидууй молча.

– Чему завидовать? Гора мускулов, глупая улыбка, как у Кена и ни капли мозгов.

Я усмехнулась:

– А зачем мне его мозги, мне нужно то, что находится ниже. У тебя были мозги, и чем все закончилось, или у тебя не было мозгов? Ну да, конечно, при виде любой титястой, молоденькой особы, мозги у вас отключаются.

– Это у твоей дуры-соседки не было мозгов. Подумаешь, трахнул пару раз и на этом все бы закончилось. Нет, она взялась блюсти нравственность нашей семьи. -

– Ой, бедненький, не удалось избавиться от ненужного балласта и теперь приходится нести непосильный груз, в виде молодой особы, весом килограмм сорок. И ведь не пнешь коленом под зад, она все-таки твой ординатор. Идиллия, блин, и на работе, и дома вместе. Может, все-таки подашь на развод, глядишь и женишься, детишек нарожаете. – Я продолжала изощренно издеваться над Кириллом, понимая, что несу чушь, но не могла остановиться.

Он вскочил со стула, кинул на стол деньги:

– Знаешь...

– Знаю.

– Ты раньше не была такой злой.

– Раньше я была наивной дурой.

Кирилл застегнул пиджак и быстрым шагом вышел из кафе. Я осталась сидеть, глядя в пустоту.

Вот и поговорили. А собственно я с ним давно уж перестала разговаривать, только если что-то о Юляшке. Мне даже не приходится напоминать ему о квартплате, и знаете почему? Потому что он всё оплачивает сам. И не берет у меня денег, которые я ему пытаюсь вручить.

–Я мужчина, Ира, и зарабатываю гораздо больше твоего.

Ну, то, что он зарабатывает много, это я знала, тем более он еще где-то консультирует, куда-то его иногда приглашают на операции, особо сложные. Я никогда не вникала в тонкости его работы, может и зря. И на работу к нему практически не приходила, за исключением срочных случаев. Тоже, наверное, зря. Тогда бы может и сумела понять что-нибудь о нем. Хотя не факт.

Я и сама знаю и меня просвещали неоднократно, еще в молодости, что в больницах, любому мало-мальски симпатичному и умному доктору, долго не выстоять перед осадой женского медицинского персонала. Я все это пропускала мимо ушей. Мой Кирилл не такой. Он отличается от всех. Ага-ага. Мечтать не вредно. Интересно, как давно у него все это началось. Я не имею в виду конкретно кого-то, а вообще, интрижки на работе. Похоже, я "лузер", как говорит нынче молодежь. По-простому, лохушка.

Так, лохушка, хватит ныть, поднимай свою попу и двигай её в направлении салона красоты. Да-да, я собралась привести себя в божеский вид, завтра с Юляшкой празднуем её день рождения, не хочу выглядеть, как старая зачуханная тётка. Да и Андрей стимулирует. Все-таки молодой мужчина, для меня очень молодой. Ну, ничего, я же за него не замуж собралась. Как говорит моя мама, для здоровья полезно. Мама у меня дама продвинутая, обо всем читает, все знает, на все имеет свои суждения. Но меня не осудила, за то, что я Кирилла не простила.

– Ты себя должна в первую очередь себя уважать. А какое-же это уважение, если ты, увидев, что твой любимый человек на твоей постели кувыркается с какой-то ман... овошкой, еще должна понять его и простить. Это только в телевизоре, в нашей раше возможно. Твой

Кирилл хам, ни себя не уважает, ни тебя. Как будто не смог найти места для кувыркания. А твоей Зинаиде Брылькиной я бы премию выдала за то, что открыла глаза на безобразия. Ты представь, сколько человек было в курсе его измен, начиная с тех, с которыми он изменял. Если знала Зинаида, знали и соседи по дому. Да и на работе у него не слепые и не глухие работают. А еще хвалю за то, что не кинулась в слезы, в жалость к себе. Нашла себе молодого любовника? Замечательно. Это заставит держать себя в тонусе. Да и Кир твой может и поймет, кого он потерял.

ГЛАВА 2

Эту беседу провела со мной мама, когда я все-таки решилась рассказать ей обо всем. Я долго собиралась с духом, пока Юля не дала мне пинка под зад. Образно, конечно.

– Мам, если ты не расскажешь обо всем бабушке, я сама ей расскажу. А она обидится, что ты не посчитала нужным её в известность поставить. Тебе это надо?

– Маленькая шантажистка.

– Я не маленькая, – надула губы Юлька, а потом не выдержала и захихикала. – Мам, а примирение невозможно? – и она скорчила такую жалобную рожицу.

– Ох, Юляшка, Юляшка. Скажи мне, дорогая моя девочка, как склеить разбитую чашку, чтобы не было видно трещин?

– Мам, я же вижу, что папа переживает, он ведь тебя любит.

– Не спорю, родная. Наверное, любил когда-то, а потом себя любить больше стал. Если человека по-настоящему любишь, никогда не сможешь ему причинить боль. А он мне подножку поставил. В итоге лежу я ниже плинтуса. – Я через силу улыбнулась, чтобы скрыть от дочки свою боль.

Я сегодня решила понаглеть. А что, могу? Могу! Хочу? Не очень, но ведь могу. Могу себе позволить выглядеть красавицей и похвастаться этим. Да! Я вчера после салона отправилась в магазины, обновить гардероб. Ибо так здорово обновив свою внешность, невозможно влезать в старые вещи. Да и дочурку хочется порадовать своим новым видом. Я – п е р е к р а с и л а с ь. В...БЛОНДИНКУ. Ха! Назло всем врагам, правда, не знаю каким, но... назло.

И продолжаю наглеть. Заявилась с утра пораньше к Андрею и без звонка. Никогда без звонка не приходила, уже научена горьким опытом. Правда случай не тот, все-таки не муж, а всего-навсего любовник, но совсем не хочется опять застать картину Репина. А тут меня поперло. Море по колено. Даже если застану, ну и что? А я тут раскрасавица, а вы продолжайте-продолжайте. Увы, облом. Андрей еще спал и спал один. Ну не дура ли я? Почему, увы... это же хорошо, что один. Я что превращаюсь в мазохистку?

Конечно, он был впечатлен. Еще как впечатлен. Я это впечатление на себе испытала, два раза. Ага! Он меня еще отпускать не хотел, особенно к мужу. Ну и что, что это день рождения дочери, но ведь и муж там будет. Еле отговорилась, пообещав завтра быть как штык, в этом же прики... эээ... наряде.

А потом я отправилась к... бывшему мужу... на работу. Вот! Смелая или наглая? Решила, что поеду вместе с ним за дочуркой. Все вместе и приедем домой, только заказанный тортик по дороге заберем.

И вот я вся "такая-растакая" захожу в больницу, поднимаюсь на второй этаж, пытаюсь войти в хирургическое отделение, а меня не пускают. Спрашивают кого надобно, мол, сейчас позовут. Я последний раз была здесь лет пять назад. Ну и кто меня может узнать? Особенно обновленную. Ну, говорю, зовите тогда вашего наиглавнейшего хирурга. Тетка в белом халате, еле шаркая ногами, ушла за ним, а я потихонечку за ней. Мне интересно.

Иду я за этой теткой на цыпочках. Постучала она в дверь кабинета Кирилла и заходит туда, а я за ней. Всё, можно уже и не звать его, я уже тут. Тетка от такой наглости обалдела. И не успела и рта открыть, а Кирилл уже встал из-за стола и идет ко мне навстречу.

А тетка всё-таки пробормотала:

– Кирилл Андреевич, тут к вам пришли. Я не пускала, а она....

Он так аккуратно взял её под локоток и стал выпроваживать в дверь:

– Спасибо, Мария Михайловна, это моя жена.

Тетка головой завертела и никак не хочет уходить. Интересно же ей. Ну, в общем, справился сей доблестный рыцарь с любопытной теткой и закрыл дверь.

– Ирина, что-то случилось?

– Да ничего не случилось. Оказалась в этих краях и решила с тобой вместе за Юлькой заехать. А что не надо было приходиться? Наверное, твоя пигалица сегодня работает, боишься, увидит.

– Ну что ты выдумываешь. Никого я не боюсь, я просто не ожидал тебя здесь увидеть и решил что-то произошло. Проходи, садись, еще есть время. Будешь что-нибудь чай, кофе.

– Нет спасибо. Скоро за стол сядем. Я хотела тебя спросить, а что ты подаришь Юле?

Кирилл удивленно на меня посмотрел:

– Ты же прекрасно знаешь, что она от всего отказывается, с тех пор, как ушла из дома. Ничего умнее кроме очередной карточки я не придумал. А ты что-то особенное приготовила?

– Нет, что ты. Я банально деньги в конверт. Надеюсь, возьмет.

– Кстати, Ирина, а она хоть пользуется той карточкой, которую мы ей в прошлом году дали. А то она грозилась передать на благотворительность.

– Ну как видишь, раз Юля не подрабатывает, в свободное от учебы время, значит пользуется. Просто пришлось провести с ней беседу, потому как она заартачилась, сказала, что пойдет работать, а у нас ничего не возьмет. Мол, мы вышли у неё из доверия. Я ей объяснила, что если она нас хоть капельку любит, то обязательно возьмет деньги. Просто на нас будут показывать пальцами и, возможно, не будут считать на работе порядочными людьми, если она начнет работать. Это при наших с папой доходах. Вроде убедила.

Вдруг дверь распахнулась и в кабинет, без всякого стука, влетела пигалица и остановилась, как вкопанная.

– Стучаться не учили, радость моя? – мой невоздержанный язык пошел в атаку. – Ой, извини, я же забыла. Ты ведь к любовничку торопилась? Что, Мария Михайловна уже прояснила, кто пришел? Я гляжу, так торопилась, аж запыхалась. Ёкает сердечко? Нет доверия любовничку? Ай-яй-яй. Правильно, не расслабляйся. А то ведь кто меня знает. Жена ещё как-никак. – Оскалилась я.

Пигалица вздрогнула и сделала шаг назад.

– Не бойсь, я детей не обижаю. – Я повернулась к Кириллу. – Кирилл Андреевич, познакомил бы нас. А то всё пигалица да пигалица.

– Ккктоо? Я пигалица... – Заикаясь, спросила пигалица.

Я оглядела себя:

– Ну не я же. Вроде непохожа.

– Ну, всё, хватит. Дарья Николаевна, оставьте нас. Ирина, а нам пора уже идти. – Вмешался, наконец-то, мужчина.

– Дарья! Я что-то непонятное сказал? Я же предупредил, что сегодня у нашей дочери день рождения. Что из сказанного ты не поняла?

Пигалица, нет Дарья, покраснела и, развернувшись, выскочила из кабинета.

Мы продолжали молча сидеть. Кирилл не выдержал:

– Ира, что на тебя нашло? Что с тобой вообще в последнее время происходит? В кафе на меня накинулась, сейчас на Дарью. Прошло уже два года, пора бы успокоиться.

– Скажи как, как успокоиться? – прошептала я. – Я до сих пор, входя в квартиру, каждый раз вздрагиваю, боясь увидеть ту картину, которая предстала моим глазам два года назад. Ты, походя, сломал мне жизнь. И мне порой кажется, что прошло не два года, а словно всё это

было вчера. – Я с тоской посмотрела на него. – Как мне вернуться в привычный уклад жизни, не подскажешь?

Кирилл смотрел на меня с сожалением и с такой же тоской:

– Есть такая пословица "Что имеем, не храним. Потерявши, плачем". Вот я и "плачу" все два года. – Он усмехнулся. – Или плачу нынешним своим образом жизни, за содеянное с тобой. Не знаю я, моя хорошая, как тебе помочь. Я и себе-то не знаю, как помочь. Но ты скажи, если найдешь выход, я все сделаю для тебя.

– Исчезни из моей жизни, навсегда исчезни. Чтобы я не видела тебя и не слышала о тебе. Я хотела уехать, но поняла, что не смогу быть вдали от дочери, она еще слишком молода, чтобы я её бросила, пусть даже на тебя. Другого выхода я не вижу. Может тогда утихнет эта боль от предательства и зарастёт зияющая рана в душе.

Кирилл опустил голову и глухо произнёс:

– Я подумаю над твоими словами. Возможно, это единственно правильный выход и для тебя, и для меня. – Он посмотрел на меня каким-то особенным взглядом. – И ты, и я сможем начать жить с чистого листа. По крайней мере, попробуем.

Он встал, скинул с себя халат, остался в костюме. Протянул мне руку:

– Пойдем, а то сейчас Юляшка названивать начнет.

Вот и закончился этот непростой день, День который мы провели с нашей дочуркой. Всё было замечательно. Мы даже спели за столом песню, как выразилась Юля, песенку её детства "Голубой вагон". Потом дружно смотрели видео с Юляшкой, которое мы снимали с Кириллом, начиная с её рождения. Я не выдержала до конца, ушла на кухню, якобы ставить чайник. Чайник я поставила и тут же зашла в ванную комнату, включила воду и наревелась от души. Душа болела, ох как болела моя душа. Наверное, никогда не смогу забыть и никогда не смогу простить его. Мне даже не хочется называть его Кириллом. Просто Он. Я не понимаю себя. Вроде уже и любви нет, и не бьется сердечко при виде Его, не дрожат и не подгибаются ноги от Его низкого хрипловатого голоса. Да и не жду встреч с Ним и, честно говоря, когда не вижу и не слышу, не вспоминаю о нём. И что не так со мной? Когда я решилась поделиться с мамой своими мыслями, она грустно усмехнулась:

– Не знаю чем помочь, девочка моя. Тебе видимо, суждено пройти через эту боль. Это так реагирует твоя душа на рассыпавшиеся мечты о сказке "жили они долго и счастливо и умерли в один день". До сих пор не можешь забыть, как он растоптал твои чувства, твою любовь. И не просто растоптал, а топтался по ним не один год. Не можешь смириться с ложью, когда он приходил домой и говорил, что любит, что скучал, ждал встречи. Оказалось всё не так. Не каждый человек забывает об этом быстро. Если бы ты не любила его так сильно, может, и не было бы так больно. Когда-нибудь всё закончится.

Я умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало, вздрогнула и принялась искать какую-нибудь косметику, что скрыть следы слёз.

На кухне засвистел чайник, пришлось выходить и заваривать чай. Нарезала торт и положила куски на блюдо. Поставила все на сервировочный столик и покатила в гостиную. Какое счастье, что они догадались выключить верхний свет и оставили только торшер.

Потом застелила Юляшке постель в её комнате. К полуночи все разбрелись по своим комнатам. Когда я уже выключила свет, и комнату освещал лишь отблеск уличных фонарей, ко мне пришла Юлька. Как в детстве забралась под одеяло, обняла своими руками за талию и задышала в ухо:

– Спасибо, мамочка, за праздник. Было здорово окунуться опять в семейную атмосферу. И отдельное спасибо вам с папой за денежные знаки. Они мне пригодятся. Во-первых, мне надо отметить с друзьями свою днюху. А во-вторых, меня посылают по обмену студентов, учиться на год в Корею. И мне надо обновить свой гардероб, да и с собой взять какие-то средства, переведя их в валюту.

– Чтоооо?! – с меня слетело полусонное состояние.

ОН прибежал на мой крик:

– Что у вас случилось, девочки, что за вопль?

– Ты знаешь, что учудила наша дочь. Она сейчас мне сказала...

– Я знаю, Ирина. Это я ей посодействовал. Она попросила меня помочь. – Голос его был виноватым. – И просила ничего тебе не говорить, пока не получит согласие в университете.

– Да ты... да вы... – у меня сперло дыхание, и я не могла выговорить ни слова.

Юлька крепче обняла меня:

– Мапочка, ну не ругайся, я сегодня только узнала, что получено добро на мою кандидатуру, вот и сказала тебе. Ну не за столом же говорить было об этом. Ты все равно расстроилась и праздник бы не удался. – И она начала меня чмокать в нос и хихикать.

Ну и как тут злиться на неё? Никак. Я вздохнула, обняла её в ответ и пробурчала в сторону бывшего:

– А ты иди отсюда, предатель. Не подлизывайся.

Он кивнул и ушел.

– Ну, ты, мать, строга. – Важно пропела Юля. – Нельзя же так, всё-таки он мой папка.

– Ну и иди, обнимайся с ним. – Огрызнулась я.

Юлька засмеялась, совсем по-детски, вскочила с кровати:

– Пойду, утешу отца родного. Хи-хи-хи. – И поскакала.

Утром проснулась с головной болью. Ну не умею я пить. Совсем не умею. Оттого что организм не принимает. Неважно что пью, хорошее, отличное или низкосортное питье, эффект один и тот же, утренняя головная боль. А ведь вчера за здоровье Юли выпила только бокал шампанского и все.

На тумбочке, рядом с кроватью, стоял стакан с водой, и лежала какая-то шипучая таблетка. Кто-то позаботился. Скорее всего, Он попросил отнести Юльку. Еще немного полежу, пока не подействует лечение, иначе при ходьбе боль только усиливается. Не заметила, как снова уснула. Проснулась уже бодрой, не осталось даже намек на головную боль. В квартире слышалась веселая возня. Юлька всю напевала какую-то арию. А её отец что-то со смехом говорил ей. Ну и долго я буду дурью мучиться? Решила называть Его ОН и кому от это смешно? Только мне. Дурой была, дурой и помру. Вот ведь, умом все понимаю, а поступками доказываю, что ушла недалеко от Юльки. Мне порой чудится, что наша дочь родилась уже разумной и серьезной.

Ходить и бормотать начала одновременно. Когда мы научились понимать, что она там бормочет, то поняли: – Я сяма, я казяля сяма.– И ещё пальчиком грозит. Потом стала уже чётко и грозно так говорить: – Я сама. – И отталкивать нас рукой. Как вспомнишь и смех, и грех. Вот до сих пор все сама да сама. Сама поступила учиться на бюджет, сама решила поехать в Корею, сама приняла решение съехать от нас. Бабушка не нарадуется, хоть один здравомыслящий человек в семье. Был в семье, которая была. А теперь нету. Есть Я, есть ОН и есть наша дочь Юля. А семьи нет. Надо всё-таки решиться и подать самой на развод. Хватит смешить весь город. Знаю, что они все говорят. Что я ещё надеюсь Его вернуть. Да он в любое время готов вернуться. Как он тогда бегал за мной, когда я взяла тайм-аут и ушла к матери пожить. Юльку тоже звала, она отмахнулась:

– Ты там будешь под присмотром, а папка здесь один будет.

– Не бойся, дочка, за ним есть кому присмотреть. – Усмехнулась я.

– Мам, вот только не начинай. Иди уже. Думай свою думу, только крепко думай, чтобы потом не передумывать.

И с работы караулил и к матери моей приходил. Только что в ногах не валялся, просил дать ему шанс. А потом, когда я приняла решение, просил только не спешить себе искать кого-то. Ага! Сейчас!!! Ему, значит, можно было г-о-д-а-м-и заводить себе интрижки, а я

должна стать монахиней? Назло надменному соседу, куплю билет и... не поеду. Сейчас, когда я немного, ну совсем немного остыла, я бы всё сделала по-другому. Да что теперь говорить. Поезд ушел в неизвестном направлении, а станция стоит на месте. Парадокс. Хотя... Юлька уезжает, как минимум, на год в Корею и кто меня теперь здесь держит? А никто. Надо сходить к маман и посоветоваться. Она плохого не посоветует. Голова у неё лучше моей работает. В житейском плане.

Додумать свои коварные мысли не успела, Юлька примчалась в комнату, как вихрь:

– Мамулька, долго спать изволите. Подъем, завтрако-обед готов. ПрОшу пани, пожаловать в столовую, то бишь кухню.

А какую рожицу при этом состроила. Ну, просто...:

– Ты ж, моя прэээээльсть!

После завтрако-обеда Юлька умчалась к себе, расцеловав нас на прощание. Обещала, пока не уехала, заглядывать почаще, потому как ей очень понравилось у нас и мы оба были такие милые.

Мы разошли по своим комнатам, я созвонилась с мамой и пообещала к ней вскорости приехать. Открыв шкаф, долго выбирала, что одеть. После мамы поеду к Андрею, обещала. Обещала, значит приду и приду не просто так, а с прощальным приветом. Об этом тоже надо с мамой поговорить. Не хочу больше никаких мужиков в своей жизни, а хочу еще раз взять тай-аут и уехать куда-нибудь к чертовой бабушке, попытаться осмыслить свою жизнь и попробовать понять... как же жить дальше?

Мама была в шоке. Она так и сказала:

– Я в шоке от тебя. – И надолго замолчала, горестно поджав губы.

Когда она, так же молча, встала и пошла на кухню, вдруг стало заметно, что она уже немолода, походка потеряла былую легкость, волосы потускнели. Острое сожаление, что невольно причинила боль самому близкому мне человеку, кольнуло сердце. Захотелось подойти, обнять её, уткнуться в грудь и выплакать все свои обиды и боль. Желание просто зудело во мне и разрывало мою душу. Но я не могла позволить себе этот простой человеческий поступок, иначе обе мы не сумеем расстаться, и всё вернётся на круги своя. А мне, как воздух, нужна была передышка, хотелось погрузиться с головой в одиночество. И не думать пока ни о чём, ни о ком. А это возможно только на новом месте, где нет отвлекающих факторов вроде знакомых, близких, сослуживцев. Да просто множество памятных мест, где я была когда-то счастлива, и то будут напоминать мне о моем фиаско в семейной жизни.

И я, такой же шаркающей походкой как у мамы, побрела за ней на кухню. Такое впечатление, что все печали мира легли мне на плечи и тянут вниз. Мама стояла у стола, заваривая чай. Я подошла к ней, уткнулась ей в плечо.

Она тяжело вздохнула:

– Ты наконец-то повзрослела, моя девочка. И решила все правильно, хотя я не могу с этим смириться. У меня только одна просьба. – Мама всхлипнула, удержав, рвущийся из её души плач. – Не уезжай навсегда. Я не смогу долго без тебя. Ты же моя единственная, любимая и долгожданная девочка. Ты так трудно мне досталась, и я тебя очень люблю. Жаль, уже нет в живых отца. Он бы все твои беды и печали мигом разрешил. – Она подняла на меня свой взгляд и, как-то печально и извиняюще, улыбнулась.

Я упала перед ней на колени и, обхватив её ноги, не выдержала, заголосила:

– Мамочка моя любимая, самая родная, не поеду я никуда, только не плачь, только не печалься. Я останусь с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.